

18+

Добро
пожаловать
отсюда

COFFEE

Здесь
пахнет
кофе
и
свободой

Добро пожаловать
отсюда

Булочка
с корицей
120 р.

Mary Raven

Mary Raven

Добро пожаловать отсюда

«Издательские решения»

Raven M.

Добро пожаловать отсюда / М. Raven — «Издательские решения»,

Кафе, где хамство — главное блюдо, а вежливость не входит в меню.
Место, где унижение клиентов возведено в принцип, а названия блюд могут оскорбить кого угодно. Осмелишься заглянуть?

Содержание

Добро пожаловать отсюда	6
Часть 1	7
Особенное место	7
Вечеринка	12
Сила оскорблений	21
Прощай, Матильда	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Добро пожаловать отсюда

Mary Raven

© Mary Raven, 2026

ISBN 978-5-0070-0081-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Добро пожаловать отсюда

Часть 1

Особенное место

— Пошёл к чёрту! Чтоб я тебя больше не видела! И манатки свои заberi! — кричала девушка-официантка в белом фартуке. Её голос срывался и хрипел; она задыхалась, выкрикивая слова на одном дыхании. Выплеснув всю злость, она шумно перевела дух. Одной рукой придерживала стеклянную дверь, другой с силой бросила брезентовый рюкзак цвета хаки прямо в парня.

Он стоял в паре метров, растерянно хлопая длинными ресницами. Щенячьи голубые глаза беспомощно уставились на неё. Защититься он не успел: рюкзак ударил прямо в грудь. К счастью, внутри не оказалось тяжёлых предметов и он, как половая тряпка, просто распластался под ногами.

— Ну и жесь, — бормотал парень, собирая с асфальта рассыпавшиеся вещи. Люди равнодушно проходили мимо. Соседи напротив — маленький цветочный магазин и чайная лавка — спокойно занимались своими делами.

Девушка резко хлопнула дверью. Стекло в этой двери меняли уже не раз, но в конце концов владелец сдался и поставил бронебояное. Иногда официанты слишком усердствовали, доводя уровень Hard до предела. Он ничего не мог с этим поделать. Даже стажёры, поначалу скромные, рано или поздно доходили до этого. Порой и клиенты умудрялись снести дверь с петель.

— Ну и жесь... Это правда вот так делать?! Ой, я не смогу! — хрупкая девушка с двумя русыми косичками, похожая на ребёнка, прикрыла ладонями маленькое лицо и вжалась в деревянный стул. Если бы она могла прямо сейчас стать этим стулом — она бы стала.

— Да это тебе кажется! Я в первый день даже на Лайте нахамить не могла! А теперь — сама видишь! Легко! И Hard — не Hard! Они же сами этого хотят, понимаешь? За этим и приходят. Деньги платят. Ой, пересядь на другой стул, а то занозу подцепишь. Кстати, псевдоним придумала? Что на бейдж напишем? — стройная брюнетка с серыми глазами и хриплым от крика голосом уставилась на новенькую. На её бейдже было написано: «Матильда».

— Я не знаю... Я даже не думала... Мне бы сначала работать научиться...

— Ладно, может, посмотрим на тебя и сами придумаем. Меня ведь тоже не сразу Матильдой называли, — рассмеялась брюнетка. — Орешки хочешь? Солёные.

— Нет, спасибо, у меня же брекеты. А почему тебя так называли?

— Ты серьёзно? Не понимаешь? Ты вообще в интернете бываешь? Это потому что я самая дерзкая стала! — «Матильда» засмеялась. — Ну ладно, потом поймёшь! Вот тебе блокнот, вот книга правил. Это у нас самое главное. Пока ни о чём другом не думай. Здесь все уровни расписаны. Смотри, видишь кнопки на столе? Это не просто кнопка вызова официанта. Их три. Клиент приходит, нажимает одну — и... получает, что хочет!

Девушка уставилась на кнопки: «Lite», «Medium», «Hard».

— Ты же понимаешь, что это не про прожарку стейка? — снова рассмеялась Матильда.

— Ага... Поняла...

— В этой книге написано всё самое важное про нашу работу! Остальное сама догонишь. У тебя неделя стажировки.

Матильда не успела закончить монолог, как входная дверь распахнулась. Послышалась громкая брань. В помещение ввалился грузный мужчина с залысиной на пол головы — словно мешок картошки, небрежно сброшенный пьяными грузчиками. Разумеется, он запнулся о порог. Высота порога — почти двадцать сантиметров — не оставляла посетителям шансов пройти, не споткнувшись. Раньше на его месте была натянутая верёвка — канат на той же высоте. Но потом владелец решил, что даже для «Хамкафе» это перебор.

«Ты отсюда пойдёшь в жопу» — гласила белая надпись на деревянном рекламном щите прямо у входа. «Здесь работают специалисты по снижению твоей самооценки» — значилось чуть ниже.

— Смотри, детка, учись. Сейчас он не должен нас видеть. Пошли за барную стойку. Нужно, чтобы он сел и выбрал уровень.

Девушка кивнула. Она уселась на самый дальний стул за барной стойкой, откуда её почти не было видно — разве что приглядевшись.

Она выглядывала из-за стойки: хмурый посетитель в спортивном костюме листал меню. Он кашлял, как старый чахоточник, — заслуженный ветеран местной шахты. Жидкие остатки каштановых волос обрамляли полянку лысины на макушке. Он пытел, сопел и, нахмурившись, водил толстым, как сарделька, пальцем по глянцевым страницам меню.

Наконец он нажал на кнопку. Раздался звук, будто кто-то наступил в грязь. Он шёл из колонки, висевшей прямо над головами девушек.

— Лайт? Фу, слабак! — тихо выругалась Матильда. — Я пошла, а ты смотри, запоминай и записывай. На уровне Lite мы ещё здороваемся. Это зафиксируй, чтобы не забыла.

Ученица быстро закивала, схватила блокнот и придвинула стул ближе к стойке, сев, как за парту.

В это время Матильда застучала каблуками по мраморному полу, направляясь к посетителю. В зале, кроме стука её каблучков и тяжёлого дыхания этого антропоморфного мешка картошки, не слышно было ни звука.

— Здравствуйте! — челюсти Матильды двигались, как у коровы; во рту она катала жвачку, звук чавканья эхом отражался от стен.

— Здравствуйте, девушка. Я не понял, у вас что за странное меню? Что за «Слёзы бомжихи»? А это что — «СПИДозный тортик»? Что у вас за цирк? Будьте добры, есть ли у вас обычная картошка фри и латте на безлактозном молоке?

— Ахаха! — смех Матильды звенел, как колокольчик, режущий уши.

— Девушка, что смешного? — мужчина развёл руками.

— Ты себя в зеркало видел? Какая тебе картошка фри! Тебе варёную рыбу до конца жизни жрать надо! И никакой латте без лактозы тебя не спасёт! — Матильда нарочно делала голос высоким, говоря на связках. — Лучше «Плесень с носков» возьми, с него меньше жира наешь!

— Да что вы себе позволяете? Что это за заведение? Позовите менеджера!

Матильда закатила глаза: ну почему некоторые индивиды не умеют читать вывески? Увидел на входе листок с изображением пельменей — и просто зашёл.

— Ща, — бросила она, швырнув на стол приборы. Те со звоном рухнули на деревянную поверхность.

Матильда вихрем пронеслась мимо новенькой. Та сидела, не сводя взгляда с происходящего. Её большие голубые глаза напоминали два блестящих блюдца; она так вцепилась в матовую столешницу барной стойки, что пальцы побелели и сплющились. Сидела неподвижно, словно монумент. Лишь лёгкое колыхание рюш на нежно-голубой блузке выдавало в ней живого человека.

Из двери за баром вышел менеджер — босиком, в коричневых брюках и вязаной клетчатой жилетке. Обычно такие надевают на рубашку, но «Адольфу» — так значилось на его бейджике — было глубоко фиолетово. Жилет, снятый, кажется, с деда, он нацепил прямо на голое тело. Уверенной походкой он направился к возмущённому клиенту.

— Вашу мать! — орал он на весь зал. — Вы чё меня от работы отвлекаете?! Я жилетку от катышек чистил! Какого хрена?!

— Да вон сидит, возмущается! — Матильда, спотыкаясь, бежала следом, показывая пальцем на растерянного мужчину.

Новенькая, еле сдерживая смех, юркнула под стойку. Щёки пылали алым, живот судорожно вздрагивал от беззвучного хохота.

— Что ваша работница себе позволяет?! Дёргается, хамит! — вскипел клиент.

— А-а, ну понятно, я бы вам тоже хамил, — лениво протянул менеджер, осматривая мужчину с ног до головы и поглаживая крохотные усики под носом.

— Что?! Что вы сказали, молодой человек?! — мужчина медленно поднялся из-за стола. — Я буду жаловаться куда надо! Недолго вам осталось работать! Вас прикроют, глазом моргнуть не успеете! Хамы!

— Давай, вали. Клиника липосакции — через две улицы, — невозмутимо бросил Адольф.

Его грязный ноготь застрял в зубах. Адольф гневно выругался, после чего с характерным «чпок» вытащил палец и развернулся, шагая обратно. Несколько секунд спустя он исчез за дверью своей каморки, оставив в воздухе едкий запах раздражения.

За соседней дверью, скрытой за кучей пустых банок, лениво гремел посудой повар Вазген. Он обожал свою работу настолько, что на кухне мог оставаться сутками. Официанты чаще видели его спину, чем лицо — шеф был всегда в поисках идеального приготовления.

Матильда зевнула, картинно закатив глаза, и неспешно направилась за барную стойку. Она даже не ускорила шаг, хотя гость тем временем со всей силы ударил ладонями по столу, выпуская в воздух целый букет оскорблений. Не замолкая, он резко встал и направился к выходу.

— Совсем охренели! — его голос наполнил зал. — Что хотят, то и делают! Ну ничего, я им покажу, сволочам таким!

Девушка вздрогнула от резкого звука: мешок, выходя, со всей силы хлопнул дверью.

— Такое бывает чаще, чем надо, — Матильда невозмутимо пожала плечами. — Не парься, он просто не понял, куда пришел. Просто играй дальше, спокойно продолжай работать. Но вот что мне подсказывает внутренний голос... он вернется. Хм... Не знаю, почему людей сюда тянет, как мух в общественный туалет, а те, кто когда-то случайно зашел, не понял, куда попал, оскорбился, они всегда — я не вру! — всегда становятся постоянными клиентами. Я не знаю, как это работает! Даже не спрашивай!

— Может, людям в глубине души нравится, когда их оскорбляют? Вдруг в подсознании у нас заложено что-то, что требует слышать самые жёсткие словесные унижения в свой адрес? Особенно если эти оскорбления прямо указывают на наши недостатки, которые мы в себе не видим? А из нашего окружения никто нам о них не скажет. Люди приходят сюда, здесь им говорят всю правду в глаза. — Новенькая развела худенькими руками, как бы признавая абсурдность своих мыслей. — И это помогает им становиться лучше? Ведь часто именно унижения звучат как вызов.

— Интересная теория, — Матильда усмехнулась, слегка удивленная. — Я много о таком думала за три года работы, но до такого не додумалась. Да ты философ, однако! — Улыбнулась она и сделала шаг назад, вставая в более расслабленную позу. — Кстати, завтра у нас вечеринка. Начало в 18:00, там такие фрики соберутся, закачаешься! Будет весело, да и поучишься заодно. С директором нашим познакомишься, только сразу говорю: он немного со странностями, не обращай внимания!

— Со странностями? Да ты что? — девушка засмеялась. Кажется, напряжение её отпустило, она расслабилась, вытянула шею и даже немного расправила плечи.

— Ах, ещё! Завтра приходи пораньше, для новеньких будет инструктаж. Вон в той каморке, где Адольф сидит! Вас всего трое, у нас коллектив редко меняется, в основном тут всем нравится работать. Уходят редко и не по своей воле. Так что инструктаж слушай внимательно и записывай, окей? Ты мне понравилась, я бы хотела, чтобы ты осталась. Все, кто до тебя были, они какие-то посредственные, даже стажировку не проходили, я их сама выгоняла

сразу. А в тебе что-то есть. Это место особенное, оно не для всех. И люди здесь работают особенные. Кто попало не сможет. Я директору слово за тебя скажу, но и ты не подведи! — Матильда подмигнула, и в её глазах пробежал весёлый огонёк.

Девушка кивнула в ответ. Не подведу — читалось в горящих глазах.

Вечеринка

— Проходите, уроды, быстрее! Жопой шевели, тварь! — Адольф стоял у входной двери, размахивая руками, словно дирижируя потоком гостей. Он жевал бумагу. В руке у него была сломанная пополам соломинка для напитков. Пережёванные комки бумаги он засовывал в отверстие соломинки и с силой выдувал в проходящих клиентов.

В честь вечеринки уродов владелец заведения самолично сделал порог ещё выше — прибил к нему дополнительную доску.

В зале гремел дабстеп. Вечеринка только началась, а народу уже было не протолкнуться. Официанты еле успевали разносить заказы. Среди них мелькала Матильда: высунув язык, она разбрасывала тарелки по столам, не забывая молча показывать средний палец сидевшим в зале клиентам. Она носилась, как вихрь, постоянно спотыкаясь о чьи-то ноги и громко проклиная мать каждого, об кого споткнулась.

— Да чтоб вас всех конь изнасиловал! Достали!!! — орала Матильда, носясь по залу.

— Эй! Я заказывал «Мокроту из лёгких туберкулёзника!», а ты мне что принесла, тупая девка?! — крикнул кто-то ей вслед.

— Да мне похер, что ты там заказывал! «Сопли алкаша» пей — какая разница! И хлебо-резку попроще сделай! — рявкнула она, не сбавляя ходу.

В это время в каморке шло затянувшееся собрание новеньких. Их было всего двое: девушка с брекетами и косичками и парень с нервным тиком на глазу, лицом, усеянным прыщами, и кудрявыми русыми волосами. Они сидели друг напротив друга за круглым столом. Шею парня обвивали массивные наушники, из которых тихо лилась медитативная музыка.

— Сорри, я без этой музыки жить не могу, начинаю нервничать! У меня синдром Туретта, — пояснил парень в начале встречи, энергично отгрызая ноготь.

Директор, Мстислав Рувимович Елбанов, любезно разрешил ему оставить наушники. Левое веко парня жило своей жизнью, вздрагивая и дёргаясь в разные стороны, когда само того хотело.

«Должен же быть третий человек», — вдруг вспомнила девушка.

— Вас сегодня двое. Третью, к моему великому сожалению, увезли в больницу. Увы, я не знаю, что стало причиной её сердечного приступа... Итак, ребята, начнём! Искусство оскорблений берёт своё начало ещё в далёком прошлом! Испокон веков люди находили способ снять напряжение через унижения других. Пассивная агрессия, хамство, скандалы, оскорбительные слова — порой это настоящий бальзам на наши, израненные бытом, души! Иногда у нас нет ничего против человека, стоящего перед нами. Мы даже его не знаем! Но мы ругаемся с ним. Потому что нам нужно сбросить пар. Самоутвердиться. С годами это стало естественной потребностью человека — как еда и вода, — его голос постепенно стих к концу фразы.

— В этом заведении мы удовлетворяем сразу минимум две естественных потребности!

Четыре удивлённых глаза — один из которых продолжал свой тверк веком — уставились на поднятый корявый палец Мстислава. И на его чёрный в белую полоску пиджак. И на белые брюки на коротких, как пеньки, ногах. На жидкие седые волосы. На золотую брошь в виде коровы, сверкнувшую на широкой груди при свете мигающей лампы.

Тем временем он продолжал тираду, не опуская пальца. Маленькие беличьи глаза с восторгом смотрели на будущих официантов. Его голос — хорошо поставленный тенор — слушали и впитывали даже стены:

— Порой мы используем самые изощрённые ругательства! В рамках выбранного клиентом уровня! Но иногда, например, сегодня, на вечеринке, мы позволяем себе просто выпустить пар! Сегодня все три уровня перемешались! Это для вас — прекрасная возможность научиться! Сегодня вы сможете бросить своё первое меню на стол, выкрикнуть первые бранные слова в адрес клиентов! Ах, как прелестно! Сегодня вечеринка! Ни в чём себе не отказывайте!

Он поднял палец ещё выше.

— А сейчас — немного потренируемся. Начнём с уровня «lite». Это единственный уровень, где есть приветствие. Но запомните: никаких вежливых «здравствуйте», «добрый день» и прочей аристократической ерунды! Только брошенное сквозь зубы «здрасьте». Вы должны не сказать — а выплюнуть это слово! Как харчок через зубы! Это искусство!

Он резко указал на девушку.

— Давай, дорогая, ты первая! И запомни: меню никогда не подаём! Только швыряем! Так, чтобы оно плюхнулось на стол. Так, чтобы гость вздрогнул!

Девушка осторожно взяла папку. Робко оглядываясь, она прокашлялась:

— Эм... здрастье, — слово выпало из её рта, словно маленькая горошина.

Она не удержала меню: кожаная папка, местами заляпанная жиром, через секунду плюхнулась на пол.

— Ой... извините

— Нет, так не пойдёт, милая, — директор покачал головой. — Где эмоции? Где пассивная агрессия?! Живее, живее! Ты — актриса и психолог в одном лице! Ты и агрессор, и жертва одновременно! Ты должна гореть! Найди в себе эту эмоцию! Она есть в каждом из нас!

— Здрасьте! — выкрикнула девушка.

— Уже лучше, но всё равно не то. Не весело, дорогая. Нужно сквозь зубы! Должна быть агрессия, раздражение, презрение. Представь, что ты в гостях у свекрови. Ты знаешь, что она говорит гадости за твоей спиной. Почувствуй это. Давай, я верю: ты сможешь. Выше тон! Протяни гласную, как нитку через зубы, вот так: «здра-а-а-сте».

Тем временем в зале разгоралась вечеринка. Гости веселились; из-за столов раздавались брань и хохот. Они перекрикивали всё ещё орущий из колонок дабстеп. Столики, расставленные слишком тесно, не оставляли ни малейшего личного пространства. Конечно, посетители

пытались их подвинуть, но не знали, что накануне предусмотрительный Адольф прошёлся по ним гвоздями и шуруповёртом.

На барной стойке валялись чьи-то носки. На вид — чистые. С потолка свисали плюшевые игрушки, повешенные за шеи. Из их животов торчали кишки. Настоящие.

У входа в уборные анатомически точные, чрезмерно наглядные рисунки не позволяли представителям обоих полов перепутать дверь. Похожие рисунки украшали пол и стены. Внутри уборных над раковинами висели кривые зеркала.

Уборщица, женщина лет шестидесяти, которую не называли вообще никак, водила тряпкой по полу — и заодно по ногам посетителей. Она всегда носила один и тот же белый платок с голубым орнаментом. Иногда из-под него выпадали полностью седые пряди. Её лицо будто заколдовали лет сорок назад: на нём навсегда застыло выражение шарпея. Других эмоций никто за ней не замечал. Она никогда не разговаривала. Ходили легенды, что она мыла здесь ещё задолго до появления кафе. Ведро эта женщина неизменно ставила в самых неподходящих местах. Привыкшие официанты всегда смотрели под ноги. Чего не скажешь о клиентах.

Конечно же, мыть полы в зале женщина начала в самый разгар вечеринки. Она ловко балансировала шваброй между ног танцующих и сидящих гостей.

— Ты чё делаешь, сморчок?! У меня кроссовки новые! Ты знаешь, сколько я за них отдал?! Эй, я тебе эту швабру щас засуну туда, куда давно никто ниче не совал! Пошла нахрен!

Женщина просто продолжала своё дело, пританцовывая под грохочущую музыку.

— Ты глухая, что ли?! Пошла!! Твоё место возле параша! — парень в деловом костюме, с галстуком и кроссовками, швырнул в неё скомканную салфетку, перепачканную непонятно чем. Из его кармана выпал рабочий пропуск в резиденцию президента.

Женщина подняла потерянную вещицу, окунула в ведро — и небрежно бросила парню на колени.

— Ах ты тварь!!! — заорал он. — Я этот пропуск сегодня получил! Я пришёл отметить!

Женщина молча показала средний палец.

Чувствуя, что пахнет жареным, на шум прибежала Матильда.

— Ты чё орёшь, придурок?! В резиденции своей ори!

— Ты откуда знаешь, где я работаю?! Пасёшь меня?

— Да нужен ты мне сто лет, нарцисс хренов! Будь ты даже последний мужик на земле — я б с тобой в одном поле срать не села! Самооценку снизь, не соответствуешь!

— Рот закрой, тупая овца!

— Мамка твоя овца! А отец — козёл!

— А отца моего ты откуда знаешь?!

— Так он всё село оприходовал! И сеструху свою тоже — вот ты и получился!

Под шумок уборщица исчезла, растворилась, будто её и не было.

Матильда и парень продолжали перепалку. Её щёки пылали, в глазах бушевал пожар.

Наконец оба выдохлись. Парень снял пиджак, расстегнул верхние пуговицы рубашки, вытер пот со лба. Потом залпом опрокинул в себя стопку мутного пойла. Откинулся на спинку «занозного» стула — так этот предмет мебели прозвали официанты. Они же его и изобрели.

Музыка стихла.

Он достал из кармана несколько смятых купюр, протянул их растрёпанной официантке:

— Девушка, это лично вам на чай. Спасибо огромное.

Матильда молча кивнула, привычно показала язык и средний палец — и стремительно исчезла в лабиринте тесных столиков.

— Эй, ну вы долго ещё теорию жевать будете?! Давайте, новенькие, сюда, нужна практика! — Матильда ворвалась в каморку, еле дыша. Стояла, крепко держась за дверной косяк, с таким видом, будто она только что пробежала марафон. Её тёмные густые волосы, собранные в шишку на макушке, частично выпали из причёски. Сегодня на ней была неприлично короткая чёрная юбка и чулки в мелкую сетку, плотно облегающие стройные длинные ноги. Единственным оправданием для её наряда была белая, как у школьницы, блузка, но и она едва скрывала дерзкий взгляд. Серые миндалевидные глаза колко смотрели из-под тёмных бровей на присутствующих.

— Матильда, доченька, конечно, пусть идут. Ребята уже прошли теорию. Даже немного покидали меню. Ты можешь забрать обоих.

— Доченька? — удивлённо повторила новенькая, — это что, семейный бизнес такой?

— Нет времени, пошли скорее! — Матильда схватила девушку за руку, не дав ей возможности ни ответить, ни что-то понять. Быстро потянула к выходу. За ними поплёлся и парень в наушниках, совсем как тень, не замечая, что его уже включили в этот сумбурный мир.

— Эй, тварина, вот твоя жрачка! Сет «для свиньи» же ты заказывала? — официант с лицом, как у статуи Моаи, только бледный, с бейджиком «Хмурый Хмырь», обращался к девушке. Она чудом урвала себе место за отдельным столом у окна.

— Нет, это не мой заказ! Ты что, в шары долбишься?

— А, не твой! Просто на тебя смотрю, похоже, что твой!

— Эй, Хмырь! — окликнула его Матильда. — Вот парень новенький, возьми его на стажировку. Особо ничего не надо, пусть просто с тобой походит, посмотрит. Разок меню кинет и поорёт на кого-нибудь — и хватит. Я знаю, у тебя работы завались, у меня тоже стажёр. Дев-

чонка, кстати, классная. Наконец-то кто-то нормальный пришёл. Я с ней буду, мне её терять нельзя. Всё, давай!

Матильда толкнула новенького в сторону Хмыря. Тот споткнулся о ведро, и его падение остановил диван. В этот момент заиграла громкая музыка. Адольф включил самый лютый шансон с самым ужасным качеством записи, которое только смог найти в интернете.

«Какая осень в лагерях» — блял хриплый голос из колонок. Гости продолжали заказывать выпивку, которую подавали в стопках, напоминающих унитазы и больничные утки. Матильда несла капельницу — из неё заказчик должен был пить колу прямо через катетер. Яблочный сок и пиво подавались исключительно в баночках для анализов. Аккуратно выставив их рядами, новенькая несла на подносе.

— Держите, вот ваш заказ... — сказала она и тут же осеклась. — Мочу свою бери, козёл! Пей, а то на башку вылью!

— Спасибо, девушка.

— Ну надо же, какой вежливый! Мамочка тобой гордится! Тебе слюнявчик дать? Тебе кто хлебальник начистил?

— Это родимое пятно.

— Ааа! А я думала, кто тебе половину рожи снёс! А вторую не снес — не доработал! Ты природу любишь?

— Ну да, а что?

— И это после того, что она с тобой сделала?! — заржала новенькая.

— Я на неё не в обиде, девушка, — парень отхлебнул напиток из баночки и поморщился. — На вкус как моча.

— Фу, скучный ты! — прошипела девушка и кинула на стол меню. Раздался характерный шлепок. Она радостно сжала кулаки: удалось! Хоть шутка и была не нова, а давно гуляла по интернету, девушка осталась довольна своей репликой. Но сердце почему-то бешено стучало и находилось точно не на месте.

Парень продолжал спокойно пить сок, морщась от вкуса. Его добрые синие глаза устало смотрели в стакан.

— Слушай, а ты молодец! Наорала как мегера! — Матильда подошла сзади и похлопала девушку по плечу.

— Матильда! Пойдем, отойдём туда, где тихо, нужно спросить что-то.

Они закрылись в каморке. Круглый стол пустовал. На спинке красного стула сиротливо висел черно-белый пиджак. Матильда включила свет и вопросительно посмотрела на коллегу.

— Вот тот парень с родимым пятном... Я ему незаслуженно нахамила, он такой... хороший, вежливый. Вообще не знаю, зачем пришёл, мне так стыдно. А ты меня похвалила.

— Незаслуженно нахамила? У тебя нормально всё? Амнезия? Ты забыла, где работаешь? Если он не знает, зачем пришёл, это его проблемы. А ты просто выполняй свою работу. Вот тебе бейдж. С этого дня ты здесь работаешь. И не бери в голову эту ерунду! Ты её себе придумала, — она нежно погладила девушку по плечу. — Пойдём, там пацаны без нас не справятся. Народу полно.

Девушка надела бейдж с надписью «Мегера».

— Матильда, стой. Это ведь не новый бейдж. Его точно уже носили.

— Ну да, носили, а какая разница? Пошли!

— Я сюда прихожу, чтобы на меня орали, прямо на пороге прошу, чтоб пожёстче!!! Не хард, а мега-хард! Чтоб меня в лицо швырнули, пусть синяк останется! Чтоб вилкой в глаз! И пиво на башку вылили, аа, кайф! И чтобы самому послать кого-нибудь на три буквы, а то и на четыре! Я люблю, когда орут, чтоб прям слюни летели! В меня! Если бы можно было, я б тут БДСМ заказал!

— Ха, нифига ты отчаянный. Кем работаешь?

— Педиатром.

— Эй, вы чё мне пустую тарелку принесли?!

— А ты что заказывал?

— «Сосите»

— Ну и вот.

«Мегера» наблюдала за происходящим. Бармен по прозвищу Мразь разливал коктейли по бокалам, проливая большую часть жидкости на столешницу и свою розовую футболку. Полные бокалы доставались только самым удачливым. Мраморный серый пол блестел от пролитых напитков, но уборщица больше не собиралась заниматься своей работой. На голове у бармена была черная шапка с надписью «Сдохни!» прямо на лбу. Из его широкого носа торчали две чёрные волосины, а огромные губы выглядели так, как будто их погрызли крысы. Пустые чёрные глаза смотрели куда угодно, только не на клиентов. Его коренастая фигура двигалась вдоль стойки с необычайной медлительностью, как у черепахи, больной ДЦП. За барной стойкой стояла огромная очередь, но парень оставался безразличным, двигаясь в своем темпе.

«Эх, Шарик, я как и ты был на цепи!» — фальшиво подпевал он музыке из колонок, не обращая внимания ни на один вопрос клиентов и вообще не удосуживаясь на них смотреть.

— «Неведомое пойло» наливай! — орал бармену лысый, худой мужик с почерневшим лицом алкоголика третьей стадии.

— Я-то налью, только имей в виду, — бармен перекинулся через стойку и уставился мужику прямо в плоскую переносицу. — Мне пофиг, что с тобой после этого будет. Я даже не знаю, что там намешано. Никто не знает.

Его голос звучал, как скрипучая кровать.

— Валяй, мне терять нечего! Жена ушла, дети разъехались. Сюда хожу, душу отвести!

— А мне сет «Цирроз» давай, делай! — кричал мужик, ростом с гнома, пытаясь дотянуться до стойки. На нём был дорогой спортивный костюм, брендовые кроссовки и недовольное лицо.

Музыка затихла. Из колонок послышался противный свист. Через секунду он сменился на кряхтение, а потом — на чавканье. Девушка закрыла уши руками — слушать эти звуки было невозможно.

— Эй, сегодня вечеринка уродов! — приятный спокойный тенор вещал из колонки. — Каждый из вас привел своего уроды, но я вам вот что скажу: вы все уроды! Все! Горите в аду, мразоты!!! Вы хуже скота! От него хоть польза есть, а вы — бесполезный мусор! От вас одни проблемы, вы — чёртово днище, ходите, ноете, а в своих никчёмных жизнях ничего не меняете. Живёте в одном и том же дерьме! Воняет, зато тепло! Вы как тупые хомяки: бегаєте по кругу, но ничего не догоните! Вы не измените мир, вы даже мысли в своих тупых бошках поменять не можете! Вы не можете бросить свои насиженные места в корпорациях, потому что без них сдохните! Вы не можете жить без налаженных схем, которые вам кто-то продиктовал. Ваши костюмы ничего не решают, одна показуха, вы ведь не умеете сами думать. Так ведь, да?

— Да!!! — синхронно закричал хор из разных голосов, послышался свист и хохот.

— И каждый сейчас думает, что это не про него, а про соседа! Выкусите, козлы и проститутки, вонючие отрывки современной культуры! Это всё — про вас, про каждого из вас! Вы — никто, одноклеточные! Вы канализация, которая поглощает всякий мусор, сожрёт любое дерьмо! Веселитесь, уроды! Это ваша единственная возможность! Пользуйтесь! Завтра вы, как ни в чём ни бывало, снова пойдёте прислуживать таким же, как вы, прогибаться под систему, подставлять свои задницы ради грёбанного куска хлеба, купленного у такого же уроды, как и вы, только он вам вежливо улыбается в глаза, а в душе желает вам сдохнуть под забором! А здесь всё искренне! Пользуйтесь, будьте собой! Пусть из вас льётся ваше дерьмо, в вас же больше ничего нет! Веселитесь, уроды! Сегодня выпивка бесплатно, вы же любите халяву! Но мы не отвечаем за то, что вам нальём! Сами решайте, пить или нет! Хотя за что-то в своих никчёмных жизнях отвечайте сами! Кроме бухла у вас никакой радости, узколобые! Так давайте, ни в чём себе не отказывайте! Травитесь сколько влезет!

Выступление невидимого оратора вызвало громкие аплодисменты и смех. Каждый был уверен, что это не про него. Послышался гул от голосов и топот — все рванули к бару, не обращая внимания на происходящее.

— Что это вообще было? — прошептала новенькая, сжимая ладонями пульсирующие виски. — Для чего всё это? Что этим хотели сказать? Боже, я просто хочу уйти домой и больше никогда сюда не возвращаться! Всё, что здесь происходит, бесчеловечно! Это какая-то дикость! Ужасное место!

Она вытерла рукавом крупные горячие слёзы и, отпрыгнув от бара, побежала к стене, боясь быть раздавленной. Сев на подоконник, она продолжала наблюдать, промакивая щёки салфеткой. Её кукольные розовые губы дрожали, как на морозе, а маленький курносый нос покраснел. Народ толкался и кричал у бара, из колонок гремел шансон, все столы были пустыми. Официанты исчезли, их услуги больше не требовались. Грязный пол. Грязные деревянные столы, на которых пролили и рассыпали всё, что только могли. Её голубые глаза с сет-

кой лопнувших алых капилляров хаотично скользили по заляпанным поверхностям, не зная, с чего начать. Уснуть хотелось прямо здесь, на подоконнике, в этом безумном, разрушенном мире. Но пришлось встать и идти на кухню.

— Дай тряпку какую-нибудь, я столы хоть протру, — бесцветным голосом попросила она повара.

Он молча кинул ей пахнувший плесенью комок, потом сменил перчатку и продолжил что-то резать на доске.

— Но она воняет.

— Другой нет, — ответил он, не поворачиваясь, — а свои для кухни не дам.

Девушка взяла со стола салфетки. Повар и ухом не повел. В его обители, напротив, царил безупречная чистота: все хромированные поверхности сияли; несмотря на ажиотаж с заказами, нигде не валялся мусор. Он работал исключительно в перчатках. Сегодня девушке удалось незаметно заглянуть в холодильник: все контейнеры на блестящих полках были промаркированы.

Девушка намочила салфетки под краном, бумага начала разваливаться в её руках. Худобно протерев столы и получив в пальцы несколько заноз, она огляделась. Ни Матильды, ни Хмыря, ни новенького в зале не было. Двое других официантов, которых она ещё не знала, тоже отсутствовали. Эти двое весь рабочий день ходили вместе, как привязанные. Один всегда молча стоял рядом, ничего не делая. Не принимал заказы, не разговаривал с клиентами, не приносил заставленные едой и напитками подносы. Просто ходил рядом. Матильда говорила, что они так работают уже четыре года.

Гневно дёрнув плечом, девушка пошла в каморку. Идти пришлось сквозь бушующую толпу. Люди толкались, пробиваясь к барной стойке. Бесплатной выпивки хватило на всех.

Через два часа уставшие гости начали расходиться. Девушка безучастно наблюдала за происходящим. Когда последний клиент, шатаясь, кое-как вписался в дверной проём и направился куда-то вдоль улицы, официантов собрали в каморку.

— Отличная работа, ребята! Позвольте поблагодарить вас всех, и новеньких тоже — вы молодцы! Я дам вам денег на такси, ибо опасно в нашем городе добираться пешком в столь поздний час! Жду вас завтра, мои прекрасные! Вечеринка прошла на ура!

В зале пахло перегаром, табаком, дешёвыми духами и кислятиной. Кто-то уронил цветок с подоконника. Несчастное растение вывалилось из горшка вместе с дёрном и теперь лежало на холодном полу, обнажив беззащитные тонкие корни. Кажется, это было женское счастье.

Уставшая девушка шла, прихрамывая на правую ногу — сегодня перед работой она спешила и случайно надела те самые неудобные туфли-лодочки, и теперь судорожно вспоминала, куда положила лейкопластыри. Она сняла свой бейдж и оставила его на столе в каморке. Её зубы стучали, дрожащие деревянные руки с трудом удерживали предметы. Из косичек выпали пряди, остатки косметики собрались в комочки под нижними ресницами.

— Мне не подходит такая кличка. Нужно придумать другую, — тихо сказала она.

Матильда пожала плечами, мол, как хочешь, и продолжила расчесывать спутанные пряди перед зеркалом, не поднимая уставших красных глаз. Вдруг она спросила:

— А тебя как зовут?

— Людмила.

— Мда, точно... Тебе подходит. А меня — Ева.

Вот и познакомились, — грустно улыбнулась Люда.

Сила оскорблений

— Баранина?

— Да-да, «Херота из баранины»! Давай, горничная, ноги в руки — и вперёд! Смотри не обоссись от счастья по дороге, что такого мачо увидела! И скажи своим, чтобы быстрее готовили! Жрать охота! Скажи, срочный заказ!

— Тебе нельзя баранину, — серьёзно сказала Люда после короткой паузы.

— С чего это вдруг?

— Это будет акт каннибализма с твоей стороны. Ну, раз уж так хочется — жри, но на твоей совести!

Люда размахнулась папкой с меню, целясь прямо в прилизанную чёрноволосую голову. Спустя секунду раздался оглушительный шлепок, такой силы, что стены, казалось, треснули. Когда меню приземлилось на его макушку, лицо парня озарила кривая ухмылка, а на белых щеках, чуть тронутых щетиной, проступили две ямочки — будто их вдавили пальцем.

Чёрные глаза хитро прищурились. Он с удовольствием снова нажал на кнопку «Hard», но Люда не собиралась подходить к нему в двадцатый раз. Она лишь поморщилась от звука грязи, летящей над её головой, и молча положила листок с заказом на стол повару. Тот, как обычно, даже не повернулся.

Заказ номер 0. Это означало, что спешить с ним не нужно.

Вазген улыбнулся. Он любил такие заказы: выполняя их, он мог наслаждаться каждым движением ножа, мягко скользящего по сочным мясным волокнам, мог гладить изрезанными, мозолистыми пальцами влажную красную мякоть. Пока на плите медленно закипал бульон, издавая тихое, ласкающее слух бульканье, а в зале громко орал голодный клиент, Вазген чувствовал себя по-настоящему счастливым. В такие моменты он ощущал себя невероятно нужным — этому заведению, этим людям, этому миру.

Вот и сейчас, когда новенькая положила на стол тот самый листок, его сердце радостно затрепетало. Если бы могло, оно станцевало бы брейк-данс прямо в груди, отскакивая от рёбер.

— А ты быстро осваиваешься, — подмигнул он ей своим широким веком.

Новенькая лишь улыбнулась в ответ, прежде чем скрыться в полумраке зала. Сегодня она и правда напоминала горничную: белый фартук, завязанный вокруг тонкой талии, чёрное полиэстеровое платье до колен с короткими рукавами и фатиновым белым воротником, телесные колготки и белоснежные лоферы. Пшеничные волосы, как обычно, были заплетены в две тугие, толстые косы, спускавшиеся почти до пояса.

Проходя мимо столика, где сидел посетитель, она с щедрым размахом швырнула на стол кожаный чехол со столовыми приборами. Это движение она отработывала всю ночь, не сомкнув глаз до самого утра. Следом туда же полетели салфетки: часть упала на пол, часть —

на колени парня. Две точно угодили в ведро с грязной водой, стоявшее чуть поодаль. Люда осталась довольна своими метательными навыками.

Убедившись, что несколько лёгких белых квадратиков всё-таки попали на стол, она прошла с гордо поднятой головой мимо уборщицы, которая уже больше часа лениво возила шваброй по одному и тому же квадратному метру прямо перед глазами «мачо».

— Слышь, может, свалишь уже? — не выдержал он. — Сколько можно эти плитки полировать?! Ты уже два часа тут тряпкой елозишь... ты чё, NPC?

Уборщица даже не обернулась. Лишь сделала музыку в наушниках погромче.

Он ковырял в зубах зубочисткой, лениво прислонившись плечом к деревянным рейкам на стене.

— Слушай, ну ты выдала! Про каннибализм — это сильно! Далеко пойдёшь! Как ты вообще такое придумала? — Матильда одобрительно захлопала в ладоши, едва Людмила показала за барной стойкой. Бармен приходил только по вечерам, так что стойка полностью принадлежала официанткам.

— Так я же по образованию филолог. Читать люблю, стихи пишу. Но знаешь, профессия эта скучнее некуда! Здесь веселее. Слушай, а где этот кудрявый парень? Мне показалось, он испугался и сбежал?

— Не-а, остался как миленький! Барменом будет. Оказывается, у него опыт есть. А официантов и так хватает. Вечером придёт, у Гришки учиться будет, — сказала Матильда, искоса глянув на клиента: тот нервно тербил салфетку. Уборщица всё так же мыла один и тот же квадрат пола.

Со стороны входа раздался крик. Похоже, Мстислав вчера забыл убрать ту самую дополнительную доску. А может, и не забыл.

— Так, классное место свободно? Если нет — я освобожу!

Парень с огромными бицепсами, бычьей шеей и широченной грудью, из-за которой белая майка без рукавов, казалось, вот-вот треснет, окидывал взглядом помещение. Его чуть раскосые ореховые глаза поочерёдно скользили по деревянным столам, серой мраморной плитке, непристойным рисункам на стенах, чёрной матовой барной стойке и уборщице.

Матильда жестом велела новенькой сидеть тихо и не вмешиваться. Сама взяла пилочку для ногтей и с остервенением принялась ею орудовать, не вставая с барного стула. Шишка на её голове вибрировала от каждого движения. Девушка надувала пузыри из жвачки; они лопались с громким щелчком.

Сегодня на ней была простая чёрная футболка, синие потёртые джинсы и белые кроссовки. Лицо — бледное, без капли макияжа, а редкие веснушки у носа казались темнее обычного. Даже тональным кремом она сегодня не воспользовалась, оставив тёмные круги под глазами неприкрытыми.

Посетитель прошёл в зал под косым взглядом «мачо» и уселся в самом углу. Над его головой, красными потёкшими буквами, красовалась надпись: «Место для жирных». Длинная кривая стрелка указывала вниз — на два стула, скреплённых между собой. Когда-то Адольф перемотал их ножки верёвкой, прочно связав, а сверху прибил лист ДСП, превратив их в единое целое. Теперь этот симбиоз был самым надёжным сиденьем в заведении и пользовался завидным спросом.

Стулья стояли за красным пластиковым столом из старой забегаловки. Стол шатался и был треснут в нескольких местах. В углу не горела ни одна лампа; туда долетали лишь слабые отблески света из зала — и это было единственным освещением. На столе была только одна кнопка: «Hard». Парень нажал её.

— Стой, я сама, — сказала Матильда, хватая меню.

— Эй, скоро там заказ принесут? Жрать охота! Сорок минут уже, — возмутился «мачо», но девушка лишь прошла мимо, даже не взглянув в его сторону.

— Ты что здесь забыл, анаболик?! — Ева крикнула так громко, что Люда подпрыгнула вместе со стулом.

— Матильда! Спасибо тебе! — качок расплылся в широкой улыбке и бросился к девушке с распростёртыми объятиями.

— Что ты, твою мать, несёшь?! Ты кто такой?! Ты не имеешь права меня трогать! — рывкнула она, оттолкнув клиента. Меню полетело в стену. С глухим хлопком папка отскочила и шлёпнулась на пол. Парень попятился, выставив ладони, и плюхнулся обратно на стул.

— Ты меня вряд ли помнишь! Но я сюда вообще-то ходил два года назад, часто ходил! Я тогда тоже был почти 100 килограмм, но не мышц, а жира! Ты меня так на херах таскала, ух! «Мешок с дерьмом», «только не нагибайся, а то все подумают, что это вход в Нарнию», «ты ветку семейного древа сломал». Там ещё про Ждуна, Марианскую впадину, метеорит, и ещё что-то... Не помню, но это было жёстко! Так жёстко, что я, знаешь, домой приходил, плакал, жрал и думал. Серьёзно. Смотрел в зеркало на себя и говорил: пора завязывать с едой. В спортзал пошёл, теперь на ПП, поэтому здесь и не появлялся. Мне никто так не говорил, все меня только жалели — особенно мама с бабушкой, думали, что я болею чем-то, гормоны, щитовидка и всё такое. А я просто жрал много! Только ты мне об этом и сказала!

Матильда застыла, не зная, что сказать. Растерянно хлопая не накрашенными ресницами, она пялилась на парня. Молча протянула ему папку.

— Так, у меня сегодня читмил, давай бургер «Котлета из деда», двойной! И колу без сахара.

— Вазген! Заказ! — Матильда положила листок на стол повару. Тот молча кивнул, бросив взгляд на кастрюлю с бараниной. Мясо было ещё красным, сверху образовалась шапка пены.

Девушка вернулась за барную стойку и снова села на свой стул. Видя её растерянный взгляд, Люда спросила:

— С тобой всё в порядке?

— Ты была права. Ну, насчёт того, что мы людям правду говорим и это помогает им стать лучше, или что-то в этом роде. Я точно не помню, что ты говорила. Если честно, я твои слова тогда всерьёз не восприняла, но теперь это как один из вариантов ответа на вопрос, зачем люди сюда ходят. И теперь этот вариант — основной.

Девушка вкратце пересказала коллеге монолог с клиентом.

— Сама ему заказ отнесёшь? Я не знаю, как теперь хамить ему буду. Я его, кстати, всё-таки вспомнила. Он два года назад на Жиртрест пати приходил. У меня фотка с ним есть. Меня он бесил, потому что он на моего бывшего похож, который меня бросил в трудный момент. Вот я на нём и оторвалась, это было что-то, — Матильда приложила ладонь к лицу. — После той вечеринки, правда, мы лишились нескольких стульев, унитаза и одного официанта, но оно того стоило! И плитку на полу поменяли. Адольф тогда постарался, два дня до тусовки все дверные проёмы переделывал.

— Расширял?

— Сужал.

Из зала послышался крик:

— Вашу мать, вы издеваетесь?! Уже час прошёл, где заказ?! Я шас качка этого сожру!

— Не обращай внимания, — кивнула Матильда коллеге.

— Девочки, бургер готов! — голос Вазгена звучал как из консервной банки.

Людмила прошла на кухню. На деревянном подносе лежал бургер, обёрнутый в пергаментную бумагу. Рядом — горсть шоколадных конфет и записка: «*Помяни деда*». Завершали заказ полулитровая бутылка колы и несколько мятых салфеток.

— Эм... А разве к напитку бокал не подают?

— Нет.

Люда пожала плечами и ещё раз оглядела кухню — она сияла чистотой. Выходя, девушка остановилась возле бара.

— Слушай, а этот Вазген или как его, когда успевает такую чистоту наводить? Он что, тут живёт? — шёпотом спросила она Матильду.

— Этого никто не знает, — ответила та, коротко пожав плечами.

— Эй, он позже пришёл, ему значит готово, а мне нет?! Да я мамку вашу... — Люда как можно быстрее пронеслась мимо столика, где сидел прилизанный «мачо».

Она быстро кинула всё содержимое на стол качку, бургер плюхнулся последним. Когда парень открыл колу, белая футболка стала безвозвратно испорчена.

— Жри, не подавись. А не, лучше подавись. Чтобы тестостерон весь выблевал, я его потом дрыщам скормлю! — бросила Люда на одном дыхании и побежала обратно.

Отдышавшись, она села на свой стул и выжидающе посмотрела на Матильду. Та сразу же продолжила:

— Так вот, мы на входе масло растительное выдавали, чтобы они пролезть в дверь могли. Потом это масло везде было, всем коллективом отмывали. Но некоторые и с маслом не пролезли, прикинь! Так и остались за дверями стоять. Мы им бургеры туда уносили. Короче, это было нечто! Там ещё конкурс был на самого жирного, но никто не выиграл. Все самые жирные за дверями остались, не могли, бедолаги, участвовать. А ещё конкурс на самое большое количество подбородков. Ну там победитель был. Мы у одного бульдозера десяток насчитали. Так вот, этот тип, который сейчас качок, всю вечеринку за мной ходил, а потом меня ещё сталкерил в соцсетях. Я его везде заблокировала. И вот он появился.

— Да он ничего такой.

— Сейчас — да, — Ева быстро закивала головой. — А раньше... вот смотри.

Ева провела изящным пальцем по сенсорному экрану телефона. На экране было фото. Два человека. Одна из них точно была Евой, только со светлыми волосами, заплетёнными в две косы. На ней был такой же наряд горничной, в каком сейчас сидела Люда. На груди у неё красовался бейджик с надписью «Мегера». Люда не могла поверить своим глазам и начала осматривать себя с ног до головы.

— Ты чего? — спросила Ева, заметив её ошарашенный взгляд.

— Да так... Совпадение странное. А это он что ли?

— Ага.

Люда не могла сдержать усмешки, переводя взгляд с фотографии на качка, который продолжал жевать.

— Глазам не верю, — откинулась она назад, кивнув в сторону фото. — Вот что значит сила оскорблений. А тематические вечеринки часто бывают?

Ева сделала паузу, вытирая руки о салфетку, и с лёгким вздохом продолжила:

— Да когда как. Если есть идеи — делаем, периодичности как таковой нет. Всё по уму, всё до мелочей. Недавно вот ещё «Racism party» была, на прошлой неделе. Единственный день, когда можно было оскорбить по национальному признаку, в обычные дни у нас это строго запрещено. Сама понимаешь, у концепции рамки должны быть обязательно, иначе триндец, людям вседозволенность давать нельзя. Долго рассказывать, что там было, на той вечеринке, но нас чуть не прикрыли. А месяц назад вечеринка для мам с детьми дошкольного возраста. Выясняли, чей ребенок чего умеет, так там массовая драка устроилась, тоже чуть не прикрыли. Мы постоянно балансируем на этом лезвии. Хотя у нас концепция с рамками — повторю. В правилах написано, ты ведь читала. Ну а вчера была вечеринка уродов — это у нас вообще стандарт, классика. Все приходят со своим уродом, а потом узнают, что они сами для нас уроды. Честно, уже наскучил один и тот же сценарий. И ведь ходят на такую вечеринку, зачастую одни и те же. И не надоедает же им, а? Что за люди...

Люда молчала, переваривая услышанное. Всё это было настолько невообразимо, что она даже не знала, что сказать в ответ. Матильда устало зевнула, её серые глаза затуманились тоской, как будто они искали что-то, что давно потеряли и не могли найти.

— Да вашу мать! — гневный крик прорезал тишину, будто рвущийся вихрь. Он был настолько громким, что казалось, сейчас все окружающие услышат его даже через стены. Крик раздался прямо над ухом. — Где ваш повар?! Пустите к нему, я щас его сам приготовлю!

Ева, не моргнув глазом, спокойно указала пальцем себе за спину в сторону кухни.

— Ну, можешь пройти, — произнесла она с безразличием, — дальше порога всё равно не попадёшь.

Посетитель резко отпрянул от барной стойки, и его кожаная куртка прошуршала злобно, будто живое раздражённое существо. Он двинулся к кухне, но как только его рука коснулась ручки двери, та с металлическим звоном захлопнулась прямо перед его носом. Вазген, стоящий внутри, не дал ему шанса попасть в святая святых.

— Да вы охренели все! — его голос дрожал от злости. — Я понимаю, у вас там своя концепция, свои фишки, но это уже перебор! Полтора часа! Я полтора часа жду сраный заказ!

Матильда без эмоций подняла глаза и, не спеша, ответила:

— Ну подожди, ещё не досрали, — её взгляд был мутным, почти безжизненным. Люда не удержалась и прыснула в кулак, её щёки покраснели, а на шее вздулись вены от смеха.

Посетитель с гневом повернулся к ним и, тяжело дыша, спросил:

— Девушка, у вас в заведении есть стоп-слово? Типа, если тебе надоело, ты говоришь это слово, и с тобой начинают нормально общаться, и еду вовремя приносят? Нет?

— Нет, — ответила Люда, откусывая пирожное, не обращая на него никакого внимания. — Мы же не твой отчим.

Дверь кухни с грохотом распахнулась, и в проёме появилась голова Вазгена.

— Какая сука эту херню заказала?! — его голос взорвался, от чего качок выронил бургер прямо из рук.

— Вот эта, — Матильда равнодушно кивнула в сторону заказчика.

— На, забирай! — Вазген сунул поднос с едой в его сторону.

— В смысле, я сам это нести должен?! — посетитель уставился на него с возмущением.

— Ну а кто по-твоему? Тебе надо — ты и неси! — буркнул Вазген.

— А эти две тут чё, жопы просиживают? — клиент окинул взглядом Люду и Еву.

— Тебе какое дело до их жоп?! Свою обратно к столу неси! И объедки эти тоже! — Вазген грубо махнул рукой, указывая на входную дверь.

— Вашу мать! Я буду жаловаться!

— Двадцать три, — сказал Вазген, внимательно рассматривая чёрные волосы на своих руках.

— Чё? — недоумённо переспросил парень.

— Счётчик веду, сколько раз мне такое за неделю сказали. Думаешь, ты у мамки особенный? Да вас как из инкубатора! У твоей мамки такой стоит, — добавил Вазген с издёвкой.

— Да пошёл ты! — сквозь зубы прошипел мачо, аккуратно забирая поднос с барной стойки.

Люда медленно сползла со стула. По её щекам текли слёзы, перемешанные с тушью. Она сидела на полу, обхватив колени руками, и издавала нечленораздельные звуки. Одному богу было известно, какую эмоцию она испытывает.

— Держись, подруга, ты тут всего лишь третий день, то ли ещё будет, — сказала Матильда, не проявляя ни малейшего интереса к происходящему. На её красивом лице застыло выражение среднестатистического придорожного камня.

— Девчонки, спасибо огромное! Я таких бургеров даже в Макдональдсе не ел! Это вам на чай! — он бросил на столешницу несколько мелких монет. — Матильда, ты меня теперь разблокируешь?

— И не надейся.

— Пока, девчонки! Я ещё вернусь!

— Такими темпами ты только в прежнюю форму вернёшься! Вали уже, меня от твоей рожки тошнит!

Счастливый парень хлопнул за собой дверь. Спортивная сумка лениво болталась на плече, а улыбка сияла так ярко, что, кажется, ослепила его самого — достаточно, чтобы массивный фонарный столб у выхода из кафе на мгновение слился с его внушительным лбом. Ева, наблюдая эту сцену, флегматично произнесла:

— Тридцать шесть. У меня свой счётчик. Вазген, лёд принеси.

Вернувшись, девушка взяла телефон. Люда, улыбаясь, наблюдала, как коллега сосредоточенно тычет пальцем в экран, предпочитая не вмешиваться.

— Девчонки, а у вас вакансии есть? — обладатель кожаной куртки вновь появился в поле зрения официанток.

— Ну, можешь пылесосом поработать или ковриком придверным. Всегда рады! Только на зарплату не рассчитывай, — громко откликнулась Люда, всё ещё сидя на полу.

— Да я не себе, у меня-то бизнес. Магазин свой открыл недавно. Я для друга.

— А-а, ну тогда тем более. Если твой друг ещё больший чмошник, чем ты, пусть приходит — писсуаром поработает.

— Ага, передам ему, пусть готовится! Пока, девчонки! — сверкая зубами, парень скрылся за дверью.

Ева проводила его взглядом, не выпуская из рук кусок льда, замотанный в целлофановый пакет.

Весь день Людмила тренировалась. Периодически она доставала свой блокнот, куда накануне занесла самые изысканные, безупречно мерзкие обороты речи. С гордостью протянула его Мстиславу.

— Девочка моя, вы — уникам! Я таких ещё не встречал! — восхищённо воскликнул директор.

— Вот, смотрите! Я всё систематизировала: по уровням, по ситуациям. Для парочек, для одиноких, для девушек, для парней. Вот для жирных — самый длинный текст. Я выжала все соки из родного языка, вытянула из пассивного словарного запаса всё, что могла! — сияла Люда, пританцовывая. — Тут, смотрите, все функции языка: эмотивная, конативная, фатическая... Ох, тут разгуляться можно!

Прощай, Матильда

Вечером подтянулись остальные: Хмырь, два неразлучных официанта, бармен и его стажёр. Последний сразу отличился — дрожащими руками он умудрился разбить два бокала, пытаясь смешать коктейли. Наушники он не снимал ни на секунду, и никто так и не понял, как он умудряется слышать собеседников сквозь музыку.

Из широких карманов его штанов бесконечно что-то вываливалось: упаковка седативных, чехол от телефона, резиновая уточка, нафтизин, рецепты от психиатра. Он судорожно собирал свои потери под мрачным взглядом чёрных глаз наставника, пока Люда, с мягкой улыбкой, не предложила сложить всё это добро в рюкзак и убрать в каморку.

— Давай я сама их отнесу, Стёпа, ну! Не отвлекайся. Я аккуратно сложу всё в рюкзак — там и найдёшь. Никуда не денутся, — отчеканила Люда, обняв его за плечи.

— Нет! Я без них не могу! Не могу! — дергающийся глаз парня подпрыгивал в такт словам. Казалось, в нём всё работало, как идеально настроенная стереосистема.

В конце концов девушка махнула рукой. Вечером, когда поток посетителей наконец иссяк, директор срочно созвал всех на совещание. Весь коллектив во главе с Вазгеном расселся за круглым столом в каморке, на мягких, уютных стульях. Директор запер стеклянную входную дверь на ключ, оставив табличку «Открыто» на месте. Когда все устроились, он медленно обвёл их взглядом и начал:

— Итак, многоуважаемые коллеги! — начал директор, сложив руки на груди. — Впереди важное событие: юбилей нашего заведения. Ровно пять лет, как мы оскорбляем, швыряем, кричим. Пять лет успешной, беспощадной работы! Мало кто может похвастаться таким слаженным коллективом, таким уровнем взаимопонимания... и таким количеством искренне благодарных клиентов.

Он сделал паузу, оглядел всех с особой теплотой.

— В честь этого я решил внести некоторые новшества в меню. Господин Вазген, я знаю, что вы обладаете ещё и кондитерскими талантами.

— Да, Мстислав Рувимович, — кивнул Вазген. — Несколько лет проработал на фабрике пирожных, проходил курсы повышения квалификации, все сертификаты при мне.

— Прекрасно, мой дорогой, прекрасно, — засиял директор. — У меня есть пара идей для новых десертов. Вот, на мой взгляд, самая удачная: бисквит «Жопа собаки». Я уже обратился к местным умельцам — они изготовили форму для выпечки со всеми... анатомическими деталями.

Он вытащил листок с эскизом и развернул его на столе.

— Шоколад для этого шедевра будем делать сами, нужен свой уникальный рецепт. А вот ещё вариант: желе с простым, но ёмким названием — «Блевотина». Там должно быть множество мелких включений, например, перетёртые фрукты, орехи, кондитерская крошка...

— И пузыри, — вставила Люда, прищурившись. — Крупные, знаете, чтобы прямо на поверхности лопались. И чтобы жидковато, текуче. И цвет... белый, мутный. Я, конечно, не повар, но образ представляю.

— Интересное предложение, возьму на заметку, — кивнул ей Вазген, задумчиво потирая подбородок.

— Ну что ж, — продолжил директор, одобрительно хлопнув в ладони. — Решили. Кроме того, я обратил внимание: еда и напитки с медицинской тематикой у нас идут на ура. В связи с этим я купил в аптеке несколько клизм — продезинфицируем, и будем подавать в них коктейли. Эффектно, провокационно. Подача — на металлических подносах.

Он сделал паузу, наслаждаясь реакцией коллег.

— А ещё... теперь у капельницы появилась стойка. На колёсах. Она будет доезжать прямо к клиенту. Выкатываем её из кухни, а когда останется метра два до их стола... пинаем ногой. Пусть ловят сами. Весело, интерактивно! Дело нехитрое, без жертв.

Он перевёл взгляд на Еву и вдруг нахмурился:

— Ева, а чего это ты загрустила? На тебе лица нет!

Ева медленно подняла глаза:

— Я увольняюсь

В комнате стояла тишина. Даже муха, всё это время жужжащая над столом, вдруг застыла в воздухе. Люда, сбитая с толку, дёрнулась, как заведённая, и начала резко крутить головой, выхватывая взглядами лица коллег. Остальные молча переглядывались; два официанта-неразлучника что-то быстро показали друг другу загадочными жестами — как секретным кодом.

— Но что такое?.. Почему?.. — голос Мстислава звучал одновременно растерянно и умоляюще. — Тебе нужна помощь? Ты только скажи! Тебе просто нужен отдых. Ты ведь без выходных пахала!

— Нет, пап, — спокойно ответила Ева, — я правда устала от этого места. Всё это круто. Твой бизнес, твоя оригинальная идея... Но я больше не могу. Я хочу чего-то другого. Хочу свою жизнь.

Она вздохнула, взгляд её стал мягче.

— Ты знаешь, зачем я сюда пришла. Если бы не те события — меня бы здесь и не было. Я благодарна этому месту за всё. За исцеление. Но мне пора двигаться дальше. И, пап... у тебя есть замена. Люда. Лучше её я никого не встречала. Я останусь, пока полностью не передам ей всё, что знаю.

Мстислав молча кивнул. Роза на лацкане его малинового пиджака вдруг, как по команде, медленно опустила лепестки.

— Это твой выбор, дочь, — тихо сказал он. — Я не осуждаю. И никто не осуждает.

Все присутствующие быстро закивали. В глазах Люды блеснули слёзы — то ли от радости, то ли от грусти, понять было трудно. Мстислав Рувимович, глядя куда-то в пустоту, скомкано завершил собрание:

— Ну... тогда... обсудим ещё одну идею... тематической вечеринки... — начал он, но даже он сам услышал, как мрачно и неуместно это прозвучало. Никто не поддержал.

В этот момент в стеклянную дверь кто-то с силой забарабанил кулаками.

— У ВАС НАПИСАНО «ОТКРЫТО», КАКОГО ЧЁРТА ДВЕРЬ ЗАПЕРТА?! — проревел человекоподобный мешок картошки в грязной кепке и с красным лицом, сплюснутым, как стопка блинов.

Ева вдруг, впервые за весь вечер, улыбнулась — устало, но искренне.

— Я же говорила, — шепнула она, кивая на надпись.

— Я его обслужу, — твёрдо сказала Люда, вытирая глаза рукой. Она подошла к двери и повернула ключ.

Мужчина прошёл внутрь, не поздоровавшись. Он по-прежнему был в том же спортивном костюме и дырявых кроссовках, которые, казалось, могли развалиться в любой момент. Люда оглядела его с презрением, цокая языком и закатывая глаза. Под её взглядом посетитель бесцеремонно направился в зал, устроился на привычном месте и сразу же нажал кнопку «Hard».

Глаза Люды заблестели. Она сделала шаг к двери и внезапно распахнула её.

— Эй! Чей мешок с мусором убежал? Он здесь! — крикнула она на улицу. Повернувшись к клиенту, она добавила с насмешкой: — Слышишь эту тишину? Никто не признаётся. Никому ты нахрен не сдался!

— Я много про ваше заведение в соцсетях прочитал, а ну покажите класс! Начала ты неплохо!

— Жрать чё будешь? — перебила его Люда, не удостоив даже взгляда. — Для тебя тут только перхоть, с головы повара упала, когда готовил.

— Давай вот это — «Суп с голубиным помётом» и напиток «Пот ежа».

— Для тебя сегодня специальное предложение: ожидание два часа. Если будешь хорошо себя вести — три.

— А повар ваш в напитки не плюёт?

— Много чести — слюну на тебя тратить.

— Ну давай, валяй без слюны.

Люда бросила на стол Вазгену заказ номер 0.

— Девочки, там Мстиславу неймётся, опять всех созывает, — слышался свистящий шёпот Хмыря. Ева вздохнула и поплелась к каморке, где все уже были на своих местах.

— Итак, ребята! — вещал Мстислав, его белые брюки, подвернутые снизу, собирали пыль с пола. Он был босиком, зато с красным цилиндром на голове.

— Вы придумали новую вечеринку? — спросил Вазген. — Если да, то не спешите, нужны все подробности.

— Знаете, какая самая страшная форма психологического насилия?

— Абыюз? Газлайтинг? Шантаж? Манипуляции? — посыпались разные версии из-за стола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.